

Я повернула ключ в замке и толкнула дверь. С кухни валил дым и пахло горелым, квартира моя напоминала стан половецких воинов. Это могло означать только одно: Люська жарит блины. Лично я блины терпеть не могу, а в Люськином исполнении они мне кажутся особенно отвратительными. Я бросила ключи на тумбочку и прошествовала на кухню. Люська в моем переднике стояла у плиты и скалила зубы. Как всегда в присутствии дорогой подруги, кухня показала мне несуразно маленькой, впрочем, не только кухня, я сама себе начинала казаться слегка недоразвитой.

Рост у Люськи 180, бюст и бедра — закачаешься. Некоторое время назад она подвизалась манекенщицей, но чрезмерное увлечение блинами свое дело сделало, впрочем, некоторая дородность, на мой

взгляд, прибавляла Люське шарма. Лет ей было за 25, если быть честной, то далеко за 25, а приди мне фантазия повредить, я бы сказала: ох как за 25, но так далеко моя вредность никогда не заходила. По профессии Люська была зубным врачом, мы и познакомились, когда вместе работали в 4-й городской поликлинике, но несуразностей в жизни моей подруги было столько, что запутаешься, и в настоящий момент Люська трудилась в ларьке, снабжая страждущую публику целебной жидкостью импортного разлива.

Люська перестала скалить зубы и спросила:

- Чего кислая такая?
- В отпуск прогнали. С понедельника.
- А деньги дали?
- Нет. Сказали, через неделю.
- Ну и ладно, проживем. Деньги пока есть. А отпуск... что ж, будем отдыхать.
- Я летом хотела.
- Не ной, что толку-то? Слетай к мужу, а? Что? На билет придет. Этих, мишек бы, посмотрела.
- Иди ты с мишками. Блины горят.

Люська занялась блинами, а я — созерцанием ее спины.

— Письмо было? — спросила она.

— Посылку прислал.

— Потрошенная?

— Нет. Со знакомым.

— А чего прислал-то?

— Куртку, костюм, так, по мелочам всего и 200 долларов.

— Так что сидишь-то, показывай, — обрадовалась Люська.

— Ленъ.

— Давай-давай, хвались.

Я пошла в комнату, надела костюм, прихватила куртку и вернулась в кухню. Люська критически оглядела меня с ног до головы и кивнула:

— Блеск. Не женщина, а конфетка. Обмыть бы надо.

— Не надо. Мы сегодня на концерт идем. Забыла, что ли?

— Да? Тогда завтра обмоем. Что муж-то пишет? К себе зовет?

— Зовет, — вздохнула я.

— А ты?

— Что я?

— Поедешь?

— Что мне там делать?

— И то верно. Австралии мы, что ли, не видели? Вон ее по телеку то и дело кажут. Одни кенгуру, только и хорошего в них, что сумки, а русскую бабу сумкой не удивишь, мы сами все в кошелях. Однако муж тебя любит.

— Ага, — хмыкнула я.

Славка уехал пять лет назад, через семь месяцев после нашей свадьбы. Где его только не носило, год назад осел в Австралии, как будто надолго. Сначала звал меня очень настойчиво, теперь больше по привычке. Не знаю, кто из нас не прав, но Славку простить не смогла, записав в предатели.

— Как он там? — вернула меня на кухню Люська. — На автобусе катается?

— Ага.

— Ну и слава богу. Давай блины есть.

— Я их терпеть не могу. Ты ж знаешь.

— Знаю. Я сосисок купила. Ешь.

Пять минут мы жевали молча, потом Люська сказала, мечтательно разглядывая стену:

— Я у тебя поживу.

— Это еще зачем? — встрепенулась я.

— С Борькой поцапались. Отправила его, сама знаешь куда. Надоел алкаш.

— А моя квартира здесь при чем? — решив стоять насмерть, поинтересовалась я.

— Так ты ж Борьку знаешь. Начнет таскаться каждый день, всю душу вымогает.

— Слушай, Люська, — подхалимски предложила я, — а давай ты у моих поживешь. Отец с матерью в санаторий едут, а? Чего нам в однокомнатной квартире тесниться?

— Гонишь, что ли? — гневно спросила Люська.

— Да нет, живи, — струсила я.

— То-то. Ты в отпуске, я недельку возьму. Отдохнем.

От радости у меня схватило зубы. Я поморщилась, а Люська подозрительно на меня уставилась.

— Что, зубы?

— Ага.

— Давай посмотрю.

— Ну уж нет.

Я вскочила и стала посуду мыть.

— Концерт-то во сколько? — поинтересовалась Люська.

— В семь.

— Поеду домой. Переоденусь. Может, мне прямо в филармонию подъехать, чего по городу колесить? Где-нибудь без пятнадцати семь, а?

— Давай, — согласилась я. — Только в половине седьмого, и не опаздывай.

— Когда я куда опаздывала? — возмутилась Люська, я могла бы возразить, но спорить с ней настроения не было.

Я прыгала возле остановки на сыром апрельском ветру. За моей спиной росли голубые ели, скрывая разноцветные огни и толпу нарядных граждан, дружно тянувшихся к концертному залу. Душа моя тянулась туда же. Я посмотрела на часы: восемнадцать сорок пять. Люська девка необязательная. Решив подождать еще пять минут и идти в одиночестве, я пританцовывала и проклинала себя за то,

что берет не надела. Весна весной, а холодно.

Прошло пять минут, и я дала Люське еще минуту, тут рядом возник белый «Мерседес», и из него выглянула Люська.

— Садись, — сказала она.

— Ну уж нет, я на концерт.

— Но подойти-то ты можешь?

Я подошла и заглянула в машину. Рядом с Люськой сидел негр и радостно улыбался. На мой взгляд, зубов у него было слишком много.

— Ну, что? — с тоской спросила я.

— Слушай, может, концерт перебьется? Я покупателя нашла, пихну видак за двести двадцать долларов, а Димка мне продает за сто семьдесят. Слышишь? Пятьдесят долларов навара, а у тебя отпуск.

— Я на концерт пошла, — твердо заявила я.

— Ну, чего ты...

— Отстань.

Люська ткнула в спину сидящего перед ней парня.

— Сашка, сходи на концерт, а?

Сашка окинул меня взглядом, заулыбался.

— Я чего, пожалуйста.

— Сходи с Сашкой, — заныла Люська, — а мы вас встретим. Идет?

— Идет, — зная, что спорить бесполезно, согласилась я.

— Вот и хорошо. Не злись, ладно?

Сашка вышел из машины, запахнул куртку и мне улыбнулся.

— Пошли?

Я взяла его под руку, и мы отправились вслед за немногими, как мы, подзадержавшимися гражданами.

— Что за концерт-то? — поинтересовался Сашка.

— «Реквием» Моцарта.

— Это чего, только музыка, что ли?

— Не только. Еще и поют.

Сашка вздохнул:

— Ладно, помучаюсь. Тебя Таней зовут?

— Откуда знаешь?

— Интересовался. Видел вас с Люской пару раз. Муж есть?

— Есть.

— А чего с Люськой таскаешься?

— А он в Австралии.

— Ишь ты, куда занесло. В командировке, что ли?

— Вроде того.

Мы сдали в гардероб вещи и еще раз пристально посмотрели друг на друга. По моему мнению, Сашка ни на что не годился. Я мысленно обругала Люську и пошла в зал.

— А буфет здесь есть? — беспокойно поинтересовался Сашка.

— Есть, только в перерыв.

— Ладно, — согласился он, мы заняли свои места; Сашка привалился ко мне плечом, сграбастал мою руку, а я настроилась на тоскливое пререкание под чудесную музыку. Но счастье мне улыбнулось: Сашка оказался вполне мирным парнем, спросив каких-нибудь раз восемь: «Тебе, правда, нравится?» — он успокоился и уснул. Спал тихо, без храпа, ноги не вытягивал, я высвободила свое плечо и про Сашку забыла.

После концерта, пережидая очередь в гардероб, мы зашли в буфет, выпили по

бокалу шампанского, и Сашка поинтересовался, как мы уьем вечер. Пока выяснялись мнения друг друга, очередь растаяла, мы получили свои вещи и вышли на улицу.

Белого «Мерседеса» не наблюдалось. Лично меня это ничуть не удивило, но Сашка стал возмущаться. Помучившись с пять минут, он предложил:

— Возьмем тачку — и в ресторан, идет?

Тут рядом затормозило такси, и появилась Люська.

— Садись быстро, — зашипела она.

Я села, Сашка тоже было собрался, но Люська гаркнула:

— А ты куда? Отбой!

Пока Сашка думал, что сказать в ответ, мы уехали.

Люська была без спутников. Это радовало.

— Ну что? — спросила я. — Продала, купила?

— Ага. Пятьдесят долларов в кармане. Сколько это по курсу? Отпуск обмоем.

— А куда направляемся?

— Как куда? В «Купола», попьем винца с хлебцем.

Однако с «Куполами» вышла неувязка: закрыто на спецобслуживание. Люська поматерилась, иссякла и стала на меня смотреть со значением, я стойко разглядывала свои ноги.

— Ну, чего? — наконец спросила она. — Куда махнем? Давай идею.

— Поздно уже. И холодно.

— Нешто вот так домой и поедем?

— Я спать хочу. У меня сегодня три колотые раны, раскрошенная челюсть и перелом бедра. А на десерт сотрясение мозга у бабки-одуванчика.

— Ты мне ужасов не рассказывай. Шла бы в стоматологию, рви себе зубы, и никаких ночных, благодать.

— Спать хочу, — сказала я и зевнула.

— Вот так всю жизнь и проспидь, — разозлилась Люська. — Ладно, поехали домой. Купим шампанского с шоколадкой, выпьем на сон грядущий, как белые люди.

Люська пошлепала к ларьку, а я стала ловить машину. Люська вернулась как

